

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2020 г. Т. Г. Савельева
г. Красноярск, Россия

**«СОБАЧЬЕ СЕРДЦЕ» М. А. БУЛГАКОВА
В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ:
РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ**

Аннотация: В статье показано, что философия сердца имманентна русской культуре, поскольку традиция обращения к нему не прерывалась на протяжении многих веков — от Феодосия Печерского и Сергия Радонежского до В. Н. Лосского и В. А. Сухомлинского. Утверждается, среди множества культурных мифологем, присутствующих в повести «Собачье сердце», важнейшее значение для интерпретации замысла М. А. Булгакова имеет православная символика сердца. Описывается эволюция понятия «сердце» в трудах отечественных мыслителей Г. С. Сковороды, И. П. Павлова, архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого) и др. Рассматривается двойственность этого понятия: как органа чувств и как эквивалента духовной сущности человека, однако в целом сердце понимается как главный мотивирующий и координирующий центр человека, направляющий его действия. Доказывается, что через понятие «сердце» М. А. Булгаков осуществляет критическую рефлексию ценностей молодого советского общества. Анализируются образы Шарика/Шарикова и профессора Преображенского с точки зрения преобладания духовных или материальных мотивов в их поступках. Делается вывод о том, что писатель показывает трансформацию ценностных критериев человечности в эпоху революционных потрясений и утверждает приоритетность нравственного начала в человеческой природе.

Ключевые слова: философия сердца, М. А. Булгаков, «Собачье сердце», ценности, оппозиции.

Информация об авторе: Татьяна Геннадьевна Савельева — кандидат философских наук, Сибирский федеральный университет, пр. Свободный, д. 79, 660041 г. Красноярск, Россия. E-mail: Saveleva_tatyana@mail.ru

Дата поступления статьи: 15.12.2018

Дата публикации: 28.03.2020

Для цитирования: Савельева Т. Г. М. А. Булгаков в контексте русской культуры: религиозно-философский аспект // Вестник славянских культур. 2020. Т. 55. С. 138–145. DOI: 10.37816/2073-9567-2020-55-138-145

Понятие «сердце» прочно вошло в ткань русской культуры, как элитарно-профессиональной, так и народной. С данным понятием в прежние времена в русском самосознании связывались важные нравственные ценности: доброта, самопожертвование, сочувствие и др. Русская классическая литература активно обращалась к понятию «сердце», создавая емкие образы-символы. Сердце — «поле битвы», «где дьявол с Бо-

гом борются» (Ф. М. Достоевский, «Братья Карамазовы»). Сердце как образ души, в которой, при победе злых начал, — «бессердечие», «жестокосердие» и т. д. («Ужасный век! Ужасные сердца!» — А. С. Пушкин, «Скупой рыцарь»). Причем сердце и ум всегда представлялись взаимодополняемой парой, в которой «уму» отводилась роль холодного статиста (известно пушкинское: «Ума холодных наблюдений и сердца горестных замет»). Свое место в ряду отечественных «сердцеведов» занял и М. А. Булгаков, в одной из своих «фантастических трилогий» обращаясь к понятию «сердце» как символу духовного состояния человека.

Среди множества культурных мифологем, присутствующих в повести «Собачье сердце», важнейшее значение для интерпретации замысла Булгакова имеет православная символика сердца. Ряд булгаковедов¹ исследуют библейские реминисценции и христианские аллюзии в творчестве писателя, однако повесть «Собачье сердце» еще не заняла значимое место в подобных исследованиях. Поскольку речь идет о синтетичности литературного произведения, правомерно использовать междисциплинарный подход.

То, что в культуре западного Ренессанса посредством платонизма выражалось в понятии «душа», в русской культуре оформлялось в понятии «сердце» [2, с. 75]. Можно сказать, что сердце здесь стало категорией, выполняющей роль культурно-исторической универсалии, с помощью которой реконструируется картина мира, как у Й. Хейзинга — «игра», а у М. Вебера — идея «рационализации» [4, с. 149]. Философия сердца имманентна русской культуре, поскольку традиция обращения к нему не прерывалась на протяжении многих веков — от Феодосия Печерского и Сергия Радонежского до В. Н. Лосского и В. А. Сухомлинского. Попытаемся в общих чертах охарактеризовать понятие «сердце», опираясь на размышления религиозных и светских отечественных мыслителей. В святоотеческой мысли физическое сердце человека (или, точнее, нервные узлы сердца), являются тем местом, где душа человека таинственно соприкасается с его телом. Это центр (сердцевина) всех важнейших психических проявлений души, совокупность тайных желаний, стремлений и склонностей (предрасположенностей) [5, с. 167], то, что в психологии относят к мотивационной сфере.

В отечественной православной традиции только сердце характеризует состояние души человека и определяет его духовный уровень. Например, у Г. С. Сковороды в противопоставление телу сердце — духовная субстанция, которая является основанием всех признаков данного лица. «Всяк есть то, чье сердце в нем: волчье сердце есть истинный волк, хотя лицо человеческое; сердце боброво есть бобр, хотя вид волчий <...>» [2, с. 75]. Г. С. Сковорода отождествляет с сердцем «внутреннего» или истинного человека. Таким образом, сердце у Г. С. Сковороды является прежде всего символом духовной сущности, а также основным критерием человечности. Г. С. Сковорода также подчеркивает определяющую роль сердца в мотивации поступков: «<...> Сердце является источником целей деятельности человека, оно определяет его поступки» [2, с. 75].

Академик И. П. Павлов в работе «О смерти человека», обращаясь к понятию сердца как к органу чувств, также подчеркивал его исключительность: «Современный цивилизованный человек путем работы над собой приучается скрывать свои мышечные рефлексy, и только изменения сердечной деятельности все еще могут указать нам на его переживания. Таким образом, сердце и осталось для нас органом чувств, тонко указывающим наше субъективное состояние и всегда его изобличающим» [6, с. 16].

Между сердцем и умом имеется тесная связь, но при этом ум играет подчиненную роль, и способности ума тесно зависят от сердца. Святитель Лука (Войно-Ясенец-

¹ Например, D. J. Hunns, L. Muller, К. Мечик-Бланк, М. Јованович.

кий), будучи профессором медицины, обращается к сердцу как органу высшего познания: «<...> если бы мы могли остановить стремительную динамику психических процессов и рассмотреть отдельные элементы в статическом состоянии, то <...> мысли <...> оказались бы только незаконченным, сырым материалом, подлежащим глубокой и окончательной переработке в сердце — горниле чувств и воли» [6, с. 32]. Здесь сердце понимается как главный мотивирующий и координирующий центр человека, направляющий его действия.

Сердцу понятен, прежде всего, язык чувств, среди которых наибольшей преобразующей силой обладает чувство любви. Народная мудрость замечает: слово матери говорит сердцу ребенка. Христианская традиция знает, что исключительные особенности сердца человека заключаются и в его потенциальной широте. Все животные и птицы в естественных условиях заботятся только о себе подобных; конечно, могут привязаться и к человеку благодаря его, человека, любви. Только человеческое сердце может вместить в себя все живое. Чистота сердца — святость, и только в чистом сердце живет высшая любовь. Но одичавшее сердце может вместить и беспримерную ненависть.

Многоаспектность понятия «сердце» широко представлена в Священном Писании, в котором также говорится о неоднозначности человеческого сердца как источника многих грехов, например, у Екклесиаста: «Сердце сынов человеческих исполнено зла»; у Иеремии: «Лукаво сердце человеческое более всего и крайне испорчено <...>». Это отражается и в устойчивых речевых оборотах русского фольклора: «глупое сердце», «с глаз долой — из сердца вон» и т. д. Или у героя Достоевского: «Что уму позор, то сердцу сплошь красота!» («Братья Карамазовы»). Неоднозначность эта укоренена, вероятно, в стремлении человека к свободе воли, в своеволии сердца. Отсюда важнейшей задачей человека представляется работа по возделыванию своего сердца.

М. А. Булгаков в своей повести обращается к символу «сердце», прибегая к иронической форме критической рефлексии над ценностями своего века. Ирония скрыта уже под маской названия, которое обладает двойственностью. Это предопределено двойственностью самого понятия «сердце»: как органа чувств и как эквивалента духовной сущности человека. При этом референт, предполагаемый данным названием, неочевиден. Название и повесть представляют собой известный герменевтический круг. При буквальном прочтении названия повести обычно указывают на то, что одному из главных героев — Шарикову — сердце досталось «по наследству» от Шарика; тогда название понимается как объяснение неудачного результата блестяще начатого эксперимента Преображенского. Однако остается неясным, почему пес Шарик вызывает симпатию, в отличие от Шарикова, ведь последний внешне даже очеловечился. Кроме того, по мнению «творца» Шарикова — Филиппа Филипповича Преображенского, у него «уже не собачье, а именно человеческое сердце». Иногда выявляются метафорические смыслы: Швондер и его компания обладают грубыми, «собачьими» сердцами, вследствие низкой культуры. Как отмечает В. Гудкова, «в 1960–1970-е гг. большинство советских исследователей не могли оценить связи и отталкивания писателя от текстов и толкований Библии и Талмуда» [3], что оставалось верным и для 1987 г. (года первой публикации повести) эпохи «застоя». Однако и сегодня продолжается интерпретация замысла повести и, в частности, ее названия, игнорируя богословско-философский контекст понятия «сердце». Следование данному контексту делает необходимой попытку интерпретировать «тайные желания» главных героев, т. е. их мотивацию.

В повести есть только один персонаж исключительно собачьего происхождения — пес Шарик, поэтому, несмотря на фантастичность художественного образа, он

может служить общим критерием собачьих качеств. Текст не оставляет сомнений, что шариково сердце хотя и хитроватое, но доброе, ищущее справедливости, сочувствующее. Рассмотрев основные мотивы, которыми руководствовался Шарик, идя за Преображенским, поманившим его колбасой, мы видим, что они просты: удовлетворение чувства голода и, конечно, инстинкт самосохранения. Кроме того, они неизменны — те же мотивы в мыслях и чувствах дремлющего сытого пса, который жестко обрисовал деятельность профессора («Похабная квартирка, но до чего ж хорошо!»). Стремление к сытости и теплу — вот что движет Шариком. Он знаток в области еды, хотя его «рацион» ограничен советским общепитом. Иногда пес не прочь иронично порассуждать о пролетариате. Вечно голодный пес всех боится, только «последнего холоуя» он может осмелиться «тяпнуть за пятку», поскольку тот представляет собой такое же бесправное существо, но худшего сорта; и здесь Шарик удовлетворяет свою потребность в компенсации собственного погрязшего достоинства и справедливости. Соответственно он замечает, что Преображенский не боится никого, и «не боится потому, что вечно сыт».

Шариков, обретя внешние черты человека, вместе с гипофизом получил способность приспосабливаться к окружающему миру значительно успешнее, чем это удавалось бездомному псу Шарикку. Полиграф Полиграфович получил работу, он был даже в двух шагах от прописки и всех прав современного цивилизованного человека. Но чувства и мысли Шарикова вращались исключительно вокруг теплого и сытного существования. И его отношение к профессору имеет одну точку пересечения с отношением Шарика — любовь к сытной, комфортной жизни, символом которой и явился Преображенский. Только выражается это стремление к комфорту по-разному: от восклицания Шарика в теплой профессорской квартире «Ну теперь можете меня бить, а отсюда я не уйду!» до попытки Шарикова с револьвером в руках отстаивать свое право на жилплощадь.

Факты говорят о крайней запутанности мотивов профессора Преображенского. Его пассаж о ласке — это всего лишь рассудочный метод, помогающий быстрее достичь собственных целей; и пес Шарик оказался прав, характеризуя Преображенского как небескорыстного человека. Основной темой разговоров Филиппа Филипповича является еда. Правда, иногда эта тема разбавляется политикой, но, критикуя советские порядки, Преображенский умело пользуется покровительством советского режима и смело отстаивает свои комнаты, несмотря на всеобщие уплотнения, которых не избежала «даже Айседора Дункан». Особенно впечатляет его высказывание о 1917 г. Оказывается, для него не произошло ничего важного, кроме пропажи пары собственных калош...

Отсюда, казалось бы, очевидная догадка о том, что он хочет облагодетельствовать человечество (сам профессор однажды подтверждает это: «Я заботился <...> об евгенике, об улучшении человеческой породы»), не кажется убедительной. Профессор делает свои опыты для узкого круга лиц. О стоимости услуг говорят клиенты, 7-комнатная квартира и наличие штата прислуги. Во всяком случае, можно предположить, что благодеяние не единственный мотив деятельности профессора. Вероятно, на одном из первых мест стоит гордое желание почувствовать себя властелином мира, повелителем человеческих душ и т. п. На это намекает ария из оперы «Аида», отсылающая нас к древнеегипетской цивилизации, в которой жрецы обожествили себя (к тому же герою очень подходит известная метафора «жрец науки»). Наконец, профессор — во все не молодой человек, и ему, естественно, должны приходиться мысли о недалеком уже конце своей жизни; тогда поиски способов омоложения могут быть связаны с тайным личным желанием физического бессмертия.

Таким образом, мы видим некоторое сходство мотивов Шарика/Шарикова и Преображенского. Однако было бы существенной ошибкой уравнивать разномасштабные личности профессора и Шарика, мы говорим лишь о смещении ценностных акцентов части интеллигенции времен написания повести М. Булгакова. Нередко работа над душой уступала служению временным ценностям, наука оказывалась заложницей интересов человека массового. Об этом говорят как социальная реальность в России 20-х гг. XX в. (например, многочисленные эксперименты с омоложением человеческого организма), так и ее анализ, в частности, в работе философа-космиста Н. Ф. Федорова².

Ассистент профессора Борменталь однажды упомянул о вечности, но исключительно в земном смысле, после операции над Шариком («Ведь это же бессмертие, черт побери! (клякса)»). В то же время ни профессор, ни его ассистент не задумываются об отдаленных последствиях результатов подобных экспериментов. Преображенский позднее будет сетовать только на плохое качество «биоматериала», сожалеть о своей неосторожности и опрометчивости, так как Шариков угрожает его душевному комфорту. Однако никто из них не поднимает проблему возможного массового появления на свет шариковых, которое будет угрожать социальной стабильности; тем более, проблему упразднения смерти как религиозно-философскую. Конечно, стремление к комфорту, к благобытию для человека совершенно естественно. Но такое состояние не должно превращаться в цель и смысл жизни. «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» — Библия показывает приоритеты и условие, при котором можно достичь «всего». При навязчивом стремлении к физическому бессмертию упраздняется забота о душе; она подменяется заботой о теле, а ценности духовные — материальными, телесными. «Где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» — говорит Священное Писание³. Возможно, сокровища — это то, что ценит человек, его ценности. Тогда собачье сердце — это символ духовного кризиса человечества.

Описание разнообразных способностей собаки Шарика, казалось бы, должно убедить читателя в высоком уровне развития существа, живущего по своим природным законам. Читатель может подойти к мысли — «эволюция природы от пса до Менделеева-химика» способна давать сбой; разум не единственный и не главный критерий развития живых существ, есть более важный. Именно о нем и судит Шарик, думая о Преображенском: «весь в меня». Пес признал известного профессора родственным себе, но не по интеллектуальным способностям, — у пса они скромные, собачьи, а Филипп Филиппович — «светило», для Шарика бог или полубог («Пес встал на задние лапы и сотворил перед Филиппом Филипповичем какой-то намаз»). Остается сердце...

Однако взгляд Шарика не может быть мерилем объективности, так как он смотрит на мир своим собачьим сердцем. Преображенский, отстаивая свои комнаты перед домкомом, служит делу, пусть и ошибочному, но идеалу, и это уже недоступно пониманию Шарика и Шарикова. В то же время очевидно, что шариковы появляются благодаря кипучей деятельности преображенских, уровень свободы которых должен быть соизмерим с уровнем их ответственности.

В авторской художественной картине мира писатель строит бинарные оппозиции: реальное — идеальное, естественное — искусственно-насильственное. Первую пару воплощает группа Шариков — Швондер с товарищами, это группа жертв экспе-

² Прикладные науки начала XX в. известный философ характеризовал достаточно жестко: «<...> приложения науки случайны и не соответствуют широте ее мысли, иначе она вышла бы из рабства торгово-промышленному сословию, которому в настоящее время служит <...>» (См.: [9, с. 314–317]).

³ Евангелие от Матфея 6: 21–33.

риментов. Шариков — жертва эксперимента с материей, пересадки органа (реальный план), Швондер с компанией — продукты социального эксперимента (идеологическая обработка). В результате обоих экспериментов — духовно ущербные, неполноценные существа.

Пес Шарик и профессор Преображенский образуют вторую группу. Пожалуй, это группа гениев, неординарных личностей: Шарик — гений в собачьем мире; а Преображенский — интеллектуальный гений в мире человеческом. Каждый непревзойден в своей области. Шарик живет по своим природным собачьим законам (несмотря на свои сверхприродные способности, согласно фантастическому сюжету). Он «гений органики», покоритель сердец («Шарик-пес обладал каким-то секретом покорять сердца людей»). Профессор активно вмешивается в естественные законы, это тип покорителя природы.

Но как Швондер представляет семантическое целое со своей кампанией, так и профессор — со своими клиентами, изображенными также с иронией и сарказмом. Пес Шарик здесь показан на пороге своего перевоплощения как существо более высокого порядка (бахтинская категория «диалога на пороге» соотносима и с творчеством М. А. Булгакова [8, с. 144]). Именно здесь началось вочеловечение пса, когда «пошлой» в его сознании столкнулось с «до чего ж хорошо», когда животное почувствовало разлад между сердцем и умом, типичный уже для человека. Правда, этот разлад знаком лишь людям достаточно высокой организации, и среди клиентов профессора этого разлада мы уже не встречаем. Клиенты Преображенского озабочены лишь заимствованием физических возможностей животных, духовное начало подавлено инстинктами. Вероятно, для них уже не нужны операции на гипофизе, они готовый материал для инволюции. Пес же, «закрыв глаза от стыда», еще не знал, какую инверсию развития ему предстоит пройти под скальпелем Преображенского.

Мы видим здесь пример генеративного узла — тенденцию к очеловечиванию собаки и обратную тенденцию — к превращению в животное «человека массового». Генеративный узел — такая точка в процессе порождения или в некоторой последовательности действий, где одна дискретная фаза (шаг) завершена, а другая еще не начата и где порождение очередной фазы (шага) может получить как желательное решение (ход), так и нежелательное [10, с. 51]. Генеративный узел можно представить как столкновение двух семиотических систем, двух разных языков [7, с. 128]; в булгаковской версии это язык материи и язык духа.

Замысел повести М. А. Булгакова «Собачье сердце» встроено в христианский контекст и тесно связано с православным пониманием значения сердца в жизни человека. Повесть выявила кризисное состояние духовности современных писателю представителей советской культуры. Ставится под сомнение и сатирически развенчивается приоритетность ценностей материи над ценностями духа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Булгаков М. А. Собр. соч.: в 5 т. М.: Худож. лит., 1992. Т. 2: Дьяволиада. Роковые яйца. Собачье сердце. Рассказы. Фельетоны. 752 с.: ил.
- 2 Голомонзина В. В. Многоаспектность понятия «сердце» в философии Г. С. Сковороды // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2011. № 131. С. 74–81.
- 3 Гудкова В. Когда отшумели споры: булгаковедение последнего десятилетия // Новое литературное обозрение. 2008. № 91. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/91/gu33.html> (дата обращения: 25.11.2018).

- 4 Культура: теории и проблемы. Учебное пособие для студентов и аспирантов гуманитарных специальностей / Т. Ф. Кузнецова, В. М. Межуев, И. О. Шайтанов и др. М.: Наука, 1995. 279 с.
- 5 *Пестов Н. Е.* Современная практика православного благочестия: в 2 т. М.: Братство святого апостола Иоанна Богослова, 2012. Т. 1. 736 с.
- 6 *Святитель Лука (Войно-Ясенецкий).* Дух, душа и тело. Общество любителей православной литературы. Киев: Изд-во им. свт. Льва, папы Римского, 2007. 150 с.
- 7 *Иваньшина Е. А.* Между живыми и мертвыми: о генеративных узлах, граничной семантике и обрядах перехода в творчестве М. А. Булгакова // Михаил Булгаков и славянская культура / отв. ред. проф. К. В. Хвостовой. М.: Совпадение, 2017. С. 127–142.
- 8 *Киши И.* Диалог на обрыве. (К вопросу о формообразующих принципах в творчестве М. Булгакова) // Михаил Булгаков и славянская культура / отв. ред. проф. К. В. Хвостовой. М.: Совпадение, 2017. С. 143–154.
- 9 *Федоров Н. Ф.* Философия общего дела. М.: Мысль, 1982. Т. III: Сочинения. С. 314–317
- 10 *Фарино Е.* Паронимия — анаграмма — палиндром в поэтике авангарда // Wiener Slawistischer Almanach. 1988. Bd. 21. С. 37–62.

***

© 2020. **Tatiana G. Savelyeva**
Krasnoyarsk, Russia

**“THE HEART OF A DOG” OF M. A. BULGAKOV
IN THE CONTEXT OF THE RUSSIAN CULTURE:
RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL ASPECT**

Abstract: The study demonstrates that the philosophy of the heart is immanent in Russian culture, since the tradition of addressing it has not been interrupted for centuries — from Theodosius of Pechersk and Sergius of Radonezh to V. N. Lossky and V. A. Sukhomlinsky. The paper argues that among many cultural mythologies present in the story “the Heart of a dog”, Orthodox symbolism of the heart is of major importance for the interpretation of Bulgakov's conception. The paper goes on to describe the evolution of the “heart”'s concept in the works of Russian thinkers G. S. Skovoroda, I. P. Pavlov, Archbishop Luka (Voino-Yasenetsky), and others. The author dwells on duality of this concept: as a sensory organ and as an equivalent of person's spiritual essence, however, in general, heart is understood as a main motivating and coordinating center of a person, guiding his actions. The paper is to prove that through the concept of “heart” M. A. Bulgakov delivers a critical reflection of values of the young Soviet society. The images of Sharik/Sharikov and Professor Preobrazhensky are analyzed from the point of view of the predominance of spiritual or material motives in their actions. The study allows concluding that the writer attests to the transformation of the value criteria of humanity in the era of revolutionary upheavals and asserts the priority of the moral principle in human nature.

Keywords: philosophy of the heart, M. A. Bulgakov, “Heart of a Dog”, values, opposition.

Information about the author: Tatiana G. Savelieva — PhD in Philosophy, Siberian Federal University, pr. Svobodny 79, 660041 Krasnoyarsk, Russia. E-mail: Savelieva_tatyana@mail.ru

Received: December 15, 2018

Date of publication: March 28, 2020

For citation: Savelieva T. G. “The heart of a dog” of M. A. Bulgakov in the context of the Russian culture: religious and philosophical aspect. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2020, vol. 55, pp. 138–145. (In Russian) DOI: 10.37816/2073-9567-2020-55-138-145

REFERENCES

- 1 Bulgakov M. A. *Sobranie sochinenii: v 5 t.* [Collected works: in 5 vols.] Moscow, Khudozhestvennaia literature Publ., 1992. Vol. 2: D'iavoliada. Rokovye iaitsa. Sobach'e serdtse. Rasskazy. Fel'etony [Diavaliada. The fatal eggs. The heart of a dog. Stories. Feuilletons]. 752 p.: il. (In Russian)
- 2 Golomonzina V. V. Mnogoaspektnost' poniatiia “serdtse” v filosofii G. S. Skovorody [Multidimensional nature of the concept of “heart” in the philosophy of G. S. Skovoroda]. *Izvestiia RGPU im. A. I. Gertsena*, 2011, no 131, pp. 74–81. (In Russian)
- 3 Gudkova V. Kogda otshumeli spory: bulgakovedenie poslednego desiatiletii [When the controversies are over: Bulgakov studies of the last decade]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2008. No 91. Available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/91/gu33.html> (accessed 25 November 2018). (In Russian)
- 4 *Kul'tura: teorii i problemy. Uchebnoe posobie dlia studentov i aspirantov gumanitarnykh spetsial'nostei* [Culture: theories and problems. Training manual for students and postgraduates in Humanities], T. F. Kuznetsova, V. M. Mezhev, I. O. Shaitanov i dr. Moscow, Nauka Publ., 1995. 279 p. (In Russian)
- 5 Pestov N. E. *Sovremennaia praktika pravoslavnogo blagochestiia: v 2 t.* [Modern practice of Orthodox piety: in 2 vols.] Moscow, Bratstvo sviatogo apostola Ioanna Bogoslova Publ., 2012. Vol. 1. 736 p. (In Russian)
- 6 Sviatitel' Luka (Voino-Iasenetskii). *Dukh, dusha i telo. Obshchestvo liubiteli pravoslavnoi literatury* [Spirit, soul, and body. Society of Orthodox literature]. Kiev, Izdatel'stvo imeni sviatitelia L'va, papy Rimskogo Publ., 2007. 150 p. (In Russian)
- 7 Ivan'shina E. A. Mezhdzhu zhivymi i mertvymi: o generativnykh uzlakh, granichnoi semantike i obriadakh perekhoda v tvorchestve M. A. Bulgakova [Between the living and the dead: on generative nodes, boundary semantics and rites of passage in the works of M. A. Bulgakov]. *Mikhail Bulgakov i slavianskaia kul'tura* [Mikhail Bulgakov and Slavic culture], responsible edited by Professor K. V. Khvostova. Moscow, Sovpadenie Publ., 2017, pp. 127–142. (In Russian)
- 8 Kishsh I. Dialog na obryve. (K voprosu o formoobrazuiushchikh printsipakh v tvorchestve M. Bulgakova) [Dialogue on a cliff. (On the issue of informing principles in the work of M. Bulgakov)]. *Mikhail Bulgakov i slavianskaia kul'tura* [Mikhail Bulgakov and Slavic culture], executive editor by prof. K. V. Khvostovoi. Moscow, Sovpadenie Publ., 2017, pp. 143–154. (In Russian)
- 9 Fedorov N. F. *Filosofia obshchego dela* [Philosophy of the common cause]. Moscow, Mysl' Publ., 1982, vol. III, sochineniia [works], pp. 314–317. (In Russian)
- 10 Farino E. Paronimiia — anagramma — palindrom v poetike avangarda [Paronymy — anagram — palindrome in avant-garde poetics]. *Wiener Slawistischer Almanach*, 1988, no 21, pp. 37–62. (In Russian)